

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ РУССКОГО СЕВЕРА

В. А. Бахтина (Москва)

ДУХОВНЫЕ СТИХИ В СВЕТЕ ПОВТОРНЫХ ЗАПИСЕЙ

Существование некоторого набора повторных записей духовных стихов — уже явление уникальное, возникшее вопреки многолетней практике игнорирования или недостаточного внимания к данному жанру в нашей науке.

Не менее значимо, что все сведения о повторных записях получены нами на основании тех материалов, которые были добыты в экспедициях по Карелии и хранятся в архивах Петрозаводска, Петербурга, Москвы. И еще одно обстоятельство: все они были произведены в сравнительно позднее время — начиная с конца 20-х годов нашего века, то есть фактически за семь десятков лет. Таким образом, мы имеем дело уже с поздним периодом существования огромного и своеобразного пласта народной культуры.

Еще в первое десятилетие XX века Б. М. Соколов, студент семинара по народной словесности в Московском университете, руководимого М. Н. Сперанским, со всем присущим ему тщанием обзрел имевшиеся в печати тексты духовных стихов по всем регионам, чтобы выполнить курсовую работу по теме «Географическое пространство и источники русского былевого духовного стиха»¹, в которой отмечал, что располагает особенно малым числом северных стихов и что этот недостаток материала вынуждает его признать приоритеты Центральной России по распространенности и интенсивности бытования эпических духовных стихов. Тем не менее Архангельская область и Олонецкий край были выделены им в число особых регионов со своим сюжетным репертуаром и специфическими особенностями. На сегодняшний день эти пробелы частично восполнены и можно говорить о существовании северной традиции бытования и исполнения духовных стихов.

Итак, какими же материалами повторных текстов мы располагаем? К сожалению, надежды на то, что записи экспедиции братьев Соколовых

© В. А. Бахтина, 2000

¹ГЛМ. Фольклорный архив. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 6.

«По следам Рыбникова и Гильфердинга» 1926—1928 гг. и параллельно с ними работающей экспедиции Ленинградского государственного института истории искусств дадут уникальный материал, оправдались в незначительной мере. Если духовные стихи, записанные в экспедиции Соколовых, извлечены нами из рабочих тетрадей и будут опубликованы в издательстве «Наследие» Института мировой литературы², то материалы как ленинградской экспедиции, так и последующих поездок на Север (в том числе музыковедов) опубликованы частично и сохранились не полностью³. Так, по-видимому, безвозвратно утрачены рабочие тетради Э. В. Эвальд и Е. В. Гиппиуса, содержащие полные тексты эпических песен⁴. Записи работавшего автономно от остальной экспедиции А. М. Астаховой С. И. Бернштейна еще полностью не расшифрованы, кроме того, поскольку его интересовали в первую очередь образцы напевов, тексты, как правило, записывались им не полностью. Следует учесть, что и ленинградцы, и москвичи преследовали цель собрать былинные сюжеты и фиксировали духовные стихи только в том случае, если их предлагали сами исполнители. И последнее замечание: при посещении одних сказителей собиратели Москвы и Ленинграда, как выяснилось, брали от них разные сюжеты стихов, поэтому их материалы нередко дополняли друг друга, обогащая представление о репертуаре того или другого сказителя.

Повторные записи были произведены от следующих северных исполнителей:

1. А. Б. Суриков (д. Конда, Киж). Сюжеты: «Голубиная книга» и «Алексий человек божий». (Записи экспедиции Соколовых и С. И. Бернштейна в 1926 году.)⁵
2. Ф. А. Конашков (д. Устье Шалы, Пудога). Сюжеты: «Голубиная книга», «Михаил Архангел», «Вознесенье». Записи экспедиции Соколовых в 1926 году и М. А. Ивановой в 1937 году. Стих «Вознесение» был записан также С. И. Бернштейном в 1926 году.
3. Н. С. Богданова (г. Петрозаводск). Сюжет: «Голубиная книга». (Запись А. М. Астаховой в 1926 году. Исполнялся дважды. Сюжет

²См.: Духовный стих в материалах экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга» (1926—1928). Публикация подготовлена В. А. Бахтиной // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. I. М., 1997; Бахтина В. А. Текст духовного стиха в исторической протяженности (наблюдения над разновременными записями Ф. А. Конашкова) // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: В 2 т. Сыктывкар, 1996. С. 3—10.

³Русские эпические песни Карелии / Изд. подготовила Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981; Эпические стихи и притчи Русского Севера // Из собрания фонограммархива Пушкинского дома. № 4, 5, 6, 9; Эпические баллады и духовные стихи Обонежья в записях 1926—1934 годов / Публикация А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики. СПб, 1998; Духовные стихи Обонежья (по материалам экспедиций 1926—1932 гг.) / Публикация Л. И. Петровой // Там же.

⁴См. вышеназванную публикацию А. Ю. Кастрова. С. 404.

⁵Сведения о месте хранения будут указываться только на используемые в статье тексты.

- «Страшный суд». (Запись А. М. Астаховой 16 июля 1926 года и С. И. Бернштейна 20 сентября 1926 года.)
4. *П. Н. Филиппова* (д. Комлево Космозерской вол.). Сюжет «Егорий храбрый» (мучения). (Запись А. М. Астаховой 28 июня 1926 года и Т. В. Поповой и А. М. Астаховой 1 июля 1926 года.)
  5. *А. И. Ефремова* (д. Калгалакша, Кемский р-н). Сюжет «Егорий светохрабрый» (мучения). (Запись Т. Величко и И. В. Сухановой в 1956 году и А. П. Разумовой и А. А. Митрофановой в 1964 году.)
  6. *Е. И. Фофанова* (д. Климово Пудожского р-на). Сюжеты: «Мучения Егория», «Два Лазаря», «Алексей человек божий». (Запись Г. Г. Григорьевой, Л. Лялина, А. Пашкова в 1964 году и В. П. Кузнецовой в 1980 году.)
  7. *С. С. Фофанова* (д. Алексеево Пудожского р-на). Сюжет «Про Егория Победоносца» (мучения). (Запись А. П. Разумовой, Т. И. Сенькиной в июне 1969 года и П. Т. Громова, Фалькина, Тунгуевой, Луновой в 1960 году.)
  8. *А. В. Галашкина* (с. Шуерцкое). Сюжет «Егорий и Олисафия». (Запись С. Вавилиной, Л. Лукиной, И. Сухановой в 1957 году и Д. М. Балашова в том же году.)
  9. *А. А. Галашина* (д. Деригузова, Шуньгский с/с). Сюжет «Егорий и змей». (Запись В. П. Кузнецовой в 1991, 1992, 1997 годах.) Сюжет «Алексей человек божий». (Запись В. П. Кузнецовой в 1992, 1997 годах.) Сюжет «Сон Богородицы», «Вознесенье», «Мучения Егория», «Лазыри». (Запись В. П. Кузнецовой в 1991, 1997 годах.)
  10. *Т. А. Лазарева* (г. Пудож). Сюжеты «Сон Богородицы», «Егорий и змей». (Записи В. П. Кузнецовой и А. А. Лапина в 1978 году и 9 и 10 июля 1990 года.)
  11. *М. С. Медведева* (Шуньга). Сюжет «Два Лазыря». (Запись Н. Ф. Онегиной и А. Т. Пакконен в 1982 году, Н. Ф. Онегиной и В. Калугина в 1985 году, В. П. Кузнецовой и А. А. Лапина в 1992 и дважды в 1997 году.) Сюжет «Сон Богородицы». (Запись Н. Ф. Онегиной и А. Т. Пакконен в 1982 году, Н. Ф. Онегиной и В. Калугина в 1985 году, В. П. Кузнецовой и А. А. Лапина в 1992, 1997 году.) Сюжет «Мучения Егория». (Запись Н. Ф. Онегиной, А. Т. Пакконен в 1982 году, В. П. Кузнецовой и А. А. Лапина в 1992, 1997 годах.)

Повторные записи текстов от одного сказителя, отстоящие от первоначальной фиксации на разные сроки (от нескольких часов до десятков лет), можно использовать для решения ряда проблем, связанных с жизнью и изменениями традиционного текста во времени: какие структуры текста и поэтические образы проявляют наибольшую устойчивость и выживаемость, что и как подвергается изменениям в самом тексте, в условиях его бытования, как соотносятся изменения в духовном стихе с подвижными компонентами иного эпического жанра — былин, с которыми духовные стихи на Севере бытовали параллельно, какие нюансы

вносят повторные записи стихов от таких крупных сказителей, как Ф. А. Конашков, А. Б. Суриков, Н. С. Зиновьева в уже сложившиеся представления об их сказительском мастерстве и особенностях индивидуальной манеры исполнения, какие проблемы особой дисциплины — текстологии фольклора — ставят или помогают понять повторные записи?

В тех случаях, когда мы располагаем повторными записями от целого ряда сказителей, принадлежащих одной местности, могут быть поставлены и проблемы региональной вариативности и ее качественных особенностей в пределах локальной традиции и т. д.

В данном сообщении мне хотелось бы остановиться на одном вопросе — формах бытования и исполнения духовного стиха в его поздних модификациях.

Известно, что духовные стихи обнаруживаются в сборниках, содержащих произведения древнерусской литературы, как печатных, так и рукописных, в сборничках, так называемых стиховниках, в личных тетрадочках, принадлежащих отдельным лицам, где стихи могут сосуществовать вместе с заговорами, молитвами, балладами, плачами и песнями, а также на отдельных листочках, которые могут храниться в доме и всегда находиться при обладателе этого листка, при этом они могут представлять собой самозапись, а могут быть от кого-то восприняты или переписаны из какого-то источника, наконец, в устном бытовании.

Такого многообразия в бытовании текста, причем изначально присутщего данному жанру, составляющего его основные характеристики, не знает ни один другой жанр фольклора.

В исследовательской литературе по отношению ко всем фольклорным жанрам принято считать, и не без основания, что если произведение не исполняется «на голос», то это уже фиктивный текст, во всяком случае не отражающий истинного своего содержательно-образного состояния, далекий от аутентичности. Это положение распространилось и на духовные стихи. Так, в только что вышедшем сборнике современных духовных стихов, собранных от различных православных общин, в первую очередь старообрядческих (разных согласий), указано что федосеевцы, например, «бережно сохраняя рукописные и печатные стиховники, а также аккуратно переписывая их в свои тетради кириллической азбукой, большую часть их состава... уже не исполняют, поскольку был утрачен или забыт их мотив. В связи с этим многие произведения теперь только читают как стихи»⁶.

Таким образом, чтение духовных стихов представлено как поздняя форма их бытования, связанная с утратой их музыкального сопровождения.

Однако существует целый ряд сюжетов стихов, в том числе издревле бытующих, которые знали обе формы бытования и исполнения

---

⁶Бучилина Е. А. «Пение псалмов есть избранное Богу» // Духовные стихи. Канты. Сборник духовных стихов Нижегородской области. М., 1999. С. 7.

изначально. Современная исполнительница стихов Т. А. Лазарева (г. Пудож) сказала, что когда свекровь ее много лет назад умирала, она ей «потихоньку, не напевом, потихоньку, так про себя читала, чтоб только было слышно «Сон Богородицы». На уточняющий вопрос В. П. Кузнецовой: «На голос?» — ответила: «Нет, я сказала: „В городе Иерусалиме...”» и т. д. На возможность, а может быть, и на необходимость безмотивного исполнения, указывает и сам стих-оберег в своей заключительной части.

В исполнении Т. А. Лазаревой он звучит так: «Кто этот стих трёжды при смерти прочитает, кто прослушает... Вынут душу с честью и т. д.»

В 1990 году, после 12-летнего перерыва (первая запись в 1978 году), Т. А. Лазарева никак не могла начать исполнение «Сна Богородицы», ей мешал только что законченный текст баллады «Как Илья Муромец жену, губил». И только когда она несколько стихов прочитала, включилась в пение «с голоса». Но интересно, что и 9, и 10 июля 1990 года при исполнении «с голоса» она упорно теряла первый начальный стих, хотя при чтении стиха его не забывала⁷.

Возможно, для этой исполнительницы более привычна манера сказывания, а не пения. Стих в ее исполнении имеет большую устойчивость текста, вероятно, связанную с необходимостью заучивания его для точного воспроизведения трижды. Лазаревой, по ее словам, приходилось посещать умирающих и читать им этот стих, чтоб облегчить уход в иной мир.

В 1978 году при исполнении стиха <Про Егория> (мучения) она вновь начала с прозаического пересказа, но затем прервала себя, прокомментировав: «Ну, это так можно хоть петь, а хоть рассказать». И далее уже исполнила «с голоса»⁸.

Если бы повторные записи от Лазаревой ограничились «Сном Богородицы», можно было бы подчеркнуть стабильность, устойчивость, традиционность ее текстов. Но в 1978, 1990 годах от нее же был записан «Егорий и змей», который при почти равном количестве стихов в двух записях (85 и 88 соответственно) имеет всего два абсолютно совпадающих, а остальные — вариации, свидетельствующие о большой доле импровизации⁹. Видимо, к стихам, обладающим неким сакральным смыслом, и стихам со сказочным сюжетом отношение было (в смысле сохранности текста) отнюдь не идентичным. Эта мысль подтверждается и исполнением «Сна Богородицы» другой современной сказительницей — М. С. Медведевой, от которой текст записывался четыре раза (1982, 1985, 1992, 1997 гг.). В каждом исполнении она сохраняла

⁷Фонограммархив ИЯЛИ КНЦ РАН. 3224/22; 3224/31.

⁸АКНЦ. Кол. 140. Ед. хр. 2.

⁹Фотограммархив ИЯЛИ КНЦ РАН. 3221/19; 140/2.

поразительную устойчивость и обязательную для ее вариантов очень органичную контаминацию «Сна Богородицы» с «Вознесением»¹⁰.

Трижды от М. С. Медведевой был записан стих «Мучения Егория», который она при первом исполнении проговорила (1978 г.)¹¹, в последующие годы исполнила «с голоса» (1990, 1992, 1997)¹².

Анализ записей свидетельствует не только об общности текстов (на сюжетно-композиционном, поэтическом уровнях), но и о вариативности. Так, в конце речитативно исполненного текста присутствуют еще десять стихов, утраченных в последующих записях, в то же время в последнем варианте 1997 года появляются три новых стиха. Таким образом, обнаруживается значительная устойчивость текста независимо от того, исполнен ли он «с голоса» или был передан стихами. Это свидетельствует и о художественной полноценности рассказанного текста, о его, видимо, привычном бытовании в таком виде и в такой форме.

В 1985 году от Н. И. Сидорковой (Толвуя) Н. Ф. Онегина и В. Калугин дважды записали (неизвестно, с каким перерывом) стих «Два Лазаря»¹³. Всякий раз исполнительница начинала с пересказа, выдержанного в ритме стиха, а затем, по просьбе собирателей, пела.

Сказовая форма давала полное и подробное развитие сюжета, из поля зрения исполнительницы не выпала судьба ни того, ни другого брата. Исполнение же «с голоса» в первый раз было прервано в том месте, где бедняк просит Господа послать ему скорую смерть. Вторично певица исполнила стих до конца, но вновь в судьбе бедного брата ею было упущено очень важное указание на то, что душа его пошла в рай.

Поскольку в прозаических пересказах этот мотив оба раза присутствует, создается впечатление, что сказовая форма была для исполнительницы более привычной и что нельзя в данном случае ставить вопрос о забвении текста, о разрушении традиции только на основании того, что он был пересказан.

Жительница Шуньги А. А. Галашина в 1991 году пересказала «Вознесение» речитативом, на просьбу спеть, сначала отказывалась: «А словами-то нельзя рассказать?», но не потому, что не знала, как петь, а очевидно, по причине нежелания петь в данный момент; «Не знаю, сегодня у меня, наверно, и голос не побежит». Но стих все же спела¹⁴.

Конечно, пение стиха вносит существенные коррективы в его поэтику. Приведу один пример. В устном пересказе бедный брат просит положить его душеньку на «огненно колесо» (краткая форма прилагательно-го — весьма характерна для эпитетики стихов). Но при пении «огненно

¹⁰ Там же. 2720/23; 2915/25; видеокассета 5/28.

¹¹ Там же. 2720/72; 2720/25

¹² Там же. 3258/14, видеокассета 5/29.

¹³ Там же. 2914/23; 2920/2.

¹⁴ Там же. 3246/22; 3246/23.

колесо» превратилось в «огнен колесо». Эта усеченная краткая форма прилагательного уже почти сливается с существительным, образуя нерасторжимое целое. Такое сращение — примета образной системы стиха (ср. у Медведевой «богатолазырево» произносится как одно слово).

Конечно, при устном пересказе (и даже с соблюдением стиховой формы) эти нюансы уплывают, как уходит и удивительная подвижность ударений в стихах до форм самых невероятных — поплыл, синё морё, Иисус Христос, залет в лемех и т. д. Но разговор об ударениях в стихах — особая тема.

Обратимся еще к одной современной исполнительнице — А. А. Галашиной (Шуньга), для которой характерна манера чередования пения с прозаическим пересказом, иногда дополненным собственными комментариями. Возьмем текст «Егорий и змей» в ее исполнении, записанный В. П. Кузнецовой трижды: в 1991, 1992, 1997 годах¹⁵. В каждом из этих вариантов А. А. Галашина прерывала текст в одних и тех же местах, но в прозаических пересказах чувствовала себя вполне свободной. В качестве примера приведу эпизод поездки царской дочери к морю. В 1991 году это место у А. А. Галашиной звучало так:

«Ну вот, извоищички приехали, ее у моря оставили и уехали» и далее последовало пение: «Еще тут девица слезно плакала».

В варианте 1992 года: «Ну вот, извоищички девушку у моря выпустили на желтый песок. Еще тут опять девица слезно плакала». И далее Галашина запела: «Еще тут девица слезно плакала...»

В варианте 1997 года: «В общем, везли ее и не путем и не дорогою. И она уж тут сильно плакала и поняла, что не замуж везут, а ко синю морю змею лютому на съедение, ко пещерскому да на сожрание. Ну, извоищички ее привезли и посадили девушку на крутой берёг, на желтый песок». И далее продолжила пение: «Еще тут девица горько плакала».

Приведу прозаическую вставку в другой фрагмент варианта 1991 года: «Ну вот, дочка так и сделала. Утром встала, нарядилась, надела наряды свои хорошие, надела кольца, браслеты на руки и

*Выходила на крыльцо дворовое,
Там стоит карета чернobarхатна и т. д.»*

С последних двух стихов началось пение.

Прозаические вставки здесь являются актом творчества, стремлением прокомментировать, дополнить текст способом или его драматизации, или его театрализации.

По-видимому, прозаические вставки постепенно закреплялись как необходимые элементы текста в памяти исполнителя. В 1992 году, исполняя

¹⁵Фонограммархив ИЯЛИ КНЦ РАН. 3248/18; 3261/16; видеокассета 5/29.

стих о мучениях Егория, Галашина прозой пересказала эпизод закапывания Егория в глубокую яму. В 1997 году, отвечая на просьбу исполнить весь стих «на голос», на этом месте пение не прервала, но совершенно очевидно текст сымпровизировала на ходу:

*Выкопал яму он штоль глубокую,
Скопал яму он штоль глубокую
И зарыл Егорьюшка сырой землей,
И пошел, собака, похмеляется.*

Прозаические вставки могут прерывать текст в одних и тех же фрагментах сюжета, что обнаруживают повторные записи (как при исполнении сюжетов «Егорий и змей» и «Два Лазаря»), а могут при каждом новом исполнении появляться в разных эпизодах (как, например, исполненном А. А. Галашиной сюжете «Алексей человек божий»¹⁶).

В сборнике современных записей стихов Нижегородской области, о котором говорилось выше, приведен весьма трансформированный лирико-романсовый вариант стиха об Алексее человеке божьем, в котором присутствует та же манера изложения: стих дважды прерывается прозаическими фрагментами, один из которых поясняет текст, а второй пересказывает довольно значительный фрагмент сюжета, который затем излагается стихами. Возможно, что подобное преподнесение стихов (в первую очередь повествовательных, с отчетливо выраженным сюжетом) не является принадлежностью только северных вариантов.

Исполнение с голоса не гарантирует полноту и качество записи. Оставляю в стороне недочеты собирателей при фиксации или расшифровке текстов. Речь о другом. Для северного исполнения характерны повторы стихов как на словесном, так и на музыкальном уровнях. Когда нет желания или времени петь, игнорирование повторов — реальное и для слушателя незаметное сокращение: содержание, смысл стиха сохраняются.

При исполнении А. А. Галашиной сюжета об Алексее человеке божьем одна из присутствовавших женщин сделала замечание, что песня поется без перепевов. На вопрос В. П. Кузнецовой, что это значит, Галашина ответила: «Это чтоб сложней получалось. Дуська говорит, надо снова это повторять, а вы, говорит, опять вперед едете». И продемонстрировала пение с повторением каждого стиха, при этом повтор исполнялся другой мелодией и с другой интонацией. После завершения стиха «Егорий и змей», так умело приправленного прозой, Галашина призналась, что стих этот длинный, и добавила: «На этот стих у меня знаешь сколько с мужчиной ушло», имея в виду А. Ю. Кастрова, который от нее производил записи и которому она исполнила более полновесный вариант.

¹⁶Там же. 3262/3, видеокассета 5/22.

Для поэтики народного стиха весьма характерны повторы полустихов, создающих с помощью подхватов как бы стиховую цепочку. Так, в варианте, исполненном А. Б. Суриковым (запись 1926 года Соколовыми):

*Выпадала книга Голубиная,
Выпадала книга среди граду,
Среди-то граду Еросолима.*

Цепная строфика, по мнению музыковедов, может быть отнесена к реликтовым признакам эпического текста и свидетельствовать о существовании в прошлом коллективного его исполнения¹⁷.

Она присутствует в исполнении некоторых певцов и в записях разных лет, но последовательно уже не обнаруживается ни в одном тексте.

Фольклор вариативен по своей природе, и это одно из основополагающих свойств распространяется на все его проявления (не только на уровне текста, но и в бытовании, исполнении и т. д.).

При устном исполнении духовного стиха в его позднем существовании (данные ранних периодов к настоящему времени весьма фрагментарны и противоречивы) возможны следующие варианты:

1. Стих исполняется «с голоса» от начала и до конца. При этом возможны длинные (с повторами и с подхватами) и укороченные варианты исполнения.
2. Стих исполняется без пения со строгим соблюдением стиховой формы.
3. Стих сначала пересказан прозой, а затем исполнен «на голос».
4. Стих поется, но отдельные фрагменты текста пересказываются прозой или в форме стиха, или в сочетании этих форм одновременно.
5. Стих от начала до конца передается в прозе, в нем утрачены все поэтические признаки стихового текста.

О разрушении (забвении) текста с полным основанием можно говорить только в последнем случае. Остальные варианты исполнения могут быть признаны особыми формами поддержания, сохранения традиционного содержания.

---

¹⁷Эпические баллады и духовные стихи Обонежья... С. 407.